

УДК 81:930.2

МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В КОММЕМОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ (на материале мемориальных досок)*

Е.А. Беседина, Т.В. Буркова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

e.besedina@spbu.ru

В статье на основе анализа текстового и невербального содержания выборки мемориальных досок, посвященных государственным и политическим деятелям СССР 1950–1980-х гг. и установленных в последние десятилетия в различных регионах современной России, выявляются и изучаются различные модели репрезентации места того или иного героя в исторической памяти современного российского общества. Представленные модели интерпретации позволяют говорить о том, что политика памяти, осуществляемая российской властной элитой, направлена на преодоление отрицания недавнего советского прошлого и выработку политически нейтрального коммеморативного дискурса.

Ключевые слова: мемориальная доска, историческая память, коммеморативный дискурс, политический дискурс, малоформатный текст, политический текст.

Для цитирования: Беседина Е.А., Буркова Т.В. Модели интерпретации в коммеморативном дискурсе (на материале мемориальных досок) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 38–44.

DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-38-44

Введение

Коммеморативные формы являют собой реконструкцию взаимодействия прошлого и настоящего. Их главная функция – сохранение коллективной памяти. Коммеморация, как можно согласиться с О.Ю. Малиновой, представляет собой совокупность публичных актов «вспоминания» и (пере)осмысления исторических событий и персон в современном контексте [Малинова 2017: 10]. При этом сегодня уже признанным фактом стала необходимость сохранения исторической памяти о советском периоде российской истории. Это касается не только таких его переломных и известных страниц, как Великая Отечественная война, события 1917 г. и гражданской войны, трагедия массовых репрессий 1930 – начала 1950-х гг., но и других эпизодов, личностей, в том числе и второй половины XX столетия.

Рост внимания общества к событиям и героям советской истории можно объяснить, конечно, вполне естественным интересом новых, уже пост-

советских, поколений наших граждан к недавнему прошлому своей страны. Однако исследователи отмечают еще одну важнейшую причину закрепления и развития исторической памяти об этом времени. Современный российский дискурс, по мнению Е.О. Негрова, преодолев отрицание советского политического дискурса, что было характерно для 1990-х гг., во многом позаимствовал присущие последнему черты [Негров 2008: 109–110]. К.А. Пахалюк констатирует, что с укреплением федеральной власти и формированием идеологии государственного патриотизма с начала 2000-х гг. власть отказалась от попыток «противопоставить имперское или советское прошлое или же объявить последнее неприемлемым» [Пахалюк 2016: 111]. И.А. Калинин, анализируя проблему «присутствия советского прошлого в российском настоящем», сделал более тонкий вывод относительно политики властных элит. По его наблюдению, в настоящее время власть проводит политику, направленную «на позитивное перекодирование ностальгии по советскому прошлому в новый российский патриотизм», причем советское лишается имманентно присущих свойств, становясь «частью общего культурного наследия». «И ключевым моментом здесь, – по мнению И.А. Калинина, –

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (ОГОН) научного проекта № 16-01-00391 «Мемориальные доски как знаки исторической памяти в России (XX – начало XXI в.)».

является не сама ностальгия, а позитивная канализация ее энергии, перевод изначально политически нагруженного языка советских символов на политически нейтральный язык общего культурно-исторического наследия» [Калинин 2010: 7-8].

Одной из наиболее распространенных форм коммеморации, с помощью которой в обществе закрепляется, сохраняется и передается новым поколениям память об исторических событиях и людях, оставивших свой след в прошлом, в XX в. стали мемориальные доски. Среди этих памятных знаков особое место занимают именные доски, по сути являющиеся своеобразной репрезентацией определенных периодов или отдельных фактов жизни и деятельности героев, а через них – и общей или локальной истории страны. В начале XXI в. в России активизировался процесс установки мемориальных досок, посвященных политическим и государственным деятелям второй половины предыдущего столетия, в результате чего мемориальные карты культурного пространства городов и сел пополнились новыми знаками памяти.

Главные причины развития этого процесса коммеморации были показаны выше. Авторы ставят целью своих исследований изучение его закономерностей и выявление характерных черт.

В то же время следует признать, что изучение мемориальных досок как феномена коммеморации только с позиций исторического знания несколько сужает рамки исследования с точки зрения экспланаторности. Поэтому представляется интересным и важным проводить такое исследование в междисциплинарном аспекте, в частности, с учетом основных положений теории малоформатного текста, а также идей политической лингвистики.

В ходе работы над статьей было изучено содержание (как текстовое, так и невербальное) около 100 мемориальных досок, посвященных государственным и политическим деятелям Советского Союза 1950–1980-х гг., установленных с конца 1990-х гг. в различных регионах современной России – от Калининграда до Приморья и острова Сахалин и представленных в базе данных, составляемой авторами. Главной задачей работы стал анализ текстов данной группы мемориальных досок с целью выявления и описания различных моделей репрезентации места того или иного деятеля советской эпохи в исторической памяти.

Мемориальные доски политическим деятелям Советской эпохи: выявленные модели интерпретации

Анализ выбранной группы мемориальных досок необходимо предварить некоторыми замечаниями, касающимися определения мемориальной доски в целом как образца малоформатного текста, а также возможности рассмотрения этого коммеморативного знака в качестве одного из жанров политического текста.

Современные мемориальные доски с полным основанием могут быть отнесены к малоформатному тексту как обладающие всеми основными его характеристиками. К таким характеристикам можно отнести обозримость и отдельность, интертекстуальность, прагматическую функциональность, формальную и семантическую самодостаточность, тематическую определенность и завершенность (подр. обоснование см. [Беседина, Буркова 2015]).

В то же время, если говорить о мемориальных досках, посвященных политическим, государственным и партийным деятелям, то им, в большей степени, чем именованным памятным доскам, установленным в честь представителей искусства, науки, культуры, других социальных групп, присущи и некоторые черты политического текста. Конечно, мы должны признать, что все мемориальные доски обладают такими чертами, как анонимность авторства и ориентированность на массового адресата. Однако в случае с интересующей нас группой гораздо чаще, чем в иных случаях, анонимным автором / заказчиком текста выступает правительство, органы власти регионального или местного уровня, политические партии, реже – общественные организации, т.е. главным образом политические структуры.

Отличаются мемориальные доски и определенной ритуальностью, что также роднит их с некоторыми видами политических текстов. Их вербальная составляющая, как правило, четко задана, имеет ряд фиксированных компонентов, обладающих свойствами номинативности и стандартности: в тексте обязательно присутствует имя героя памятного знака, а также указания «дополнительных оттенков утверждения его бытия» [Непомнящих 2013: 11], к которым можно отнести даты жизни или работы в данном месте / должности, перечисление его постов и/или наград, иных показателей его заслуг перед обществом, некото-

рые другие сведения, о которых будет сказано ниже.

Важно подчеркнуть еще одну характеристику, сближающую текст мемориальной доски со многими другими политическими текстами. По словам А.П. Чудинова, «политическая коммуникация нередко оказывается ритуальной, характеризующейся фиксированной формой и отсутствием установки на новизну содержания» [Чудинов 2012: 56]. Относительно текстов мемориальных досок приведенное утверждение А.П. Чудинова также является справедливым. Устанавливая связь между прошлыми, настоящими и будущими поколениями горожан, т.е. выполняя свою коммуникативную функцию, эти памятные знаки не могут «похвастаться» чрезмерной новизной содержания. Их задача состоит не только в том, чтобы сформировать коллективное знание, но и в том, чтобы связать информацию, как правило, опирающуюся на фоновые знания читателя, наблюдателя, с вполне конкретным местом, локализовать известное в принципе имя, показать, какая часть его жизни и деятельности протекала «именно здесь и нигде более». Представляется, что в этом находит одно из своих проявлений интерпретирующая функция языка.

Характерно для мемориальных досок и такое свойство политических текстов, как редукционизм. При этом, как справедливо считает А.П. Чудинов, степень редукции во многом зависит «от жанра текста, от его автора, адресата и политической ситуации» [Чудинов 2012: 57]. Малоформатным текстам вообще присущ наиболее высокий уровень редукции. Такой уровень в нашем случае подтверждается еще и массовостью адресата и интересами автора / заказчика, который зачастую реализует с помощью данного способа интерпретации прошлого свои задачи «легитимировать свою власть, укрепить солидарность общества, оправдать принимаемые решения, мобилизовать электоральную поддержку» [Малинова 2017: 9].

Проанализируем теперь, как представленные характеристики «преломляются» в конкретных примерах мемориальных досок, посвященных политическим и государственным деятелям советской эпохи.

Согласно российскому законодательству, мемориальные доски как знаки коммеморации устанавливаются на основе решения региональных и муниципальных органов власти. Текст и оформ-

ление памятной доски таким образом можно рассматривать в русле политики памяти, которую проводят органы власти в соответствии со своими приоритетами. Следует сразу сказать, что поскольку в последние годы в публичном политическом пространстве России начал активно формироваться патриотический дискурс, в центре которого находится идеал служения государству, то в этом смысле мемориальная доска становится действенным инструментом трансфера знаний, когда происходит передача от автора / заказчика текста к читателю «не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок...» [Демьянков 2016: 39]. И главной такой «установкой» в рамках коммеморативного дискурса является тезис о 1000-летней истории Государства Российского, призыв к нейтрализации острых вопросов и тем отечественной истории и выдвигении на первый план идеи служения Отечеству.

Большая часть анализируемых текстов доскотно стандартна, шаблонна и является собой некий набор политических клише, которые, с одной стороны, создают впечатление о личности героя, а с другой – характеризуют линию на генерализацию, на обобщение этого ряда персонажей нашей истории.

Выделяются следующие элементы структуры текста мемориальных досок, посвященных политическим деятелям.

Кроме указания фамилии, имени, отчества, в тексте приводятся даты – годы жизни героя мемориального знака либо годы его работы в руководящей должности. Наличие дат отсылает к фоновым знаниям и дает возможность наблюдателю представить контекст исторической эпохи, субъектом которой был данный герой. Деятельность большинства из них, как уже отмечалось, относится к послевоенному периоду и может быть связана с тремя важнейшими этапами отечественной истории второй половины XX в. – время «оттепели» (1953–1964), эпоха застоя (1965–1984), перестройка (1985–1991).

В 2007 г. на фасаде дома № 29 по ул. Свободы в г. Рязани была открыта мемориальная доска А.Н. Ларионову (1907–1960), как указано в тексте, «видному партийному и государственному деятелю», который жил в этом доме с 1948 по 1960 г. Эти даты совпадают с годами, значительная часть из которых приходится на время «оттепели», когда А.Н. Ларионов занимал долж-

ность первого секретаря Рязанского обкома КПСС. Но данная информация относится, скорее, к фоновым знаниям, как и память о том, что герой мемориальной доски по сути стал жертвой кампании того времени «Догоним и перегоним Америку!».

В сведениях о должности и месте работы героя мемориальной доски возможны различные варианты. Анализ выборки позволил установить, что примерно в 40 % досок использована обобщающая формулировка «выдающийся государственный и партийный / общественный деятель», в текстах еще 40 % указываются конкретные должности, занимавшиеся данным историческим лицом (первый секретарь обкома КПСС, председатель облисполкома, председатель Совета депутатов трудящихся или Совета народных депутатов, член Президиума Верховного совета СССР и др.). В текстах около 12 % досок объединены обобщенная формулировка и указание на конкретные посты. Наконец, 7 % знаков позиционируют своего героя только как Почетного гражданина того или иного города (отметим сразу: в сочетании с другими определениями характеристика «Почетный гражданин» встречается гораздо чаще).

Следовательно, примерно в половине случаев доминирующим при построении текста оказывается когнитивный механизм генерализации, что на языковом уровне предполагает использование словосочетаний «государственный и партийный / общественный деятель» (обобщенно-стандартная модель интерпретации). С одной стороны, генерализация четко определяет установку властных структур на сглаживание «неприятных» или «неудобных» воспоминаний о некоторых чертах исторического прошлого. Ярким примером тому может служить текст мемориальной доски, установленной в 2016 г. в г. Черкесске и посвященной Н.Л. Сухобоченкову (1922–2015), в течение 30 лет, с 1966 по 1986 г., возглавлявшему Карачаево-Черкесский обком КПСС. Приведем характеристики этого политического деятеля, представленные на памятном знаке: государственный и общественный деятель, Почетный гражданин города Черкесска, Заслуженный строитель Карачаево-Черкесской Республики, ветеран Великой Отечественной войны. О партийной деятельности Н.Л. Сухобоченкова не говорится вообще, применение термина «общественный» в качестве синонима «партийному» было бы неверным, т.к. руководство органами КПСС относится к политической сфере отечественной истории. (Такой под-

меной, кстати сказать, «грешат» тексты немало числа памятных знаков.) В то же время для другой половины выборки свойственно скрупулезное, выверенное перечисление постов и должностей их героев (стандартная модель интерпретации). Вероятно, в таких случаях мы встречаемся с более лояльным отношением властей данного региона к советскому и коммунистическому прошлому нашей страны.

Обращает на себя внимание и еще один, скорее, негативный, аспект использования, казалось бы, универсальной формулы «видный государственный и политический / общественный деятель». Генерализация в этом случае «уравнивает» исторические роли и деятелей общегосударственного масштаба, и героев, немало сделавших для страны, но на уровне местном, региональном, а значит, принижает статус одних и явно возвышает статус других. Сравним, например, мемориальные доски, установленные в Москве в память о Н.С. Хрущеве (1894–1971) и Е.М. Примакове (1929–2015) (характеристики в обоих случаях очень лаконичны: «видный государственный и политический деятель Никита Сергеевич Хрущев» и «Видный государственный деятель СССР и России, академик РАН Евгений Максимович Примаков») и мемориальные доски, одна из которых установлена в 2013 г. в Чите в память о М.И. Матафонове (1928–2012), возглавлявшем в 1973–1986 гг. Читинский обком КПСС (формулировка: «государственный и общественный деятель»), а вторая – в Самаре, в честь А.А. Росовского (1923–2009), председателя исполкома Куйбышевского городского совета депутатов трудящихся в 1964–1982 гг. (формулировка: «выдающийся государственный и общественный деятель, Почетный гражданин г. Самары»). Не умаляя заслуг руководителей «среднего звена», т.е. областей, городов, все же отметим, что характеристика «государственный» для них чрезмерна. Вероятно, в таких случаях авторы текстов пытаются необоснованно с научной и юридической точек зрения заменить понятием «государственный» понятие «советский», которое в данном контексте означало бы принадлежность не к определенной эпохе, а к местному или региональному уровню управления в СССР, однако по понятным причинам кажется им «неудобным», «вредным» для использования в тексте памятного знака.

Небольшое число мемориальных досок содержит только краткую и, опять же, обобщаю-

щую характеристику «Почетный гражданин». Здесь мы, как кажется, сталкиваемся с явлением редукционизма политического текста, причем не всегда оправданным. Чрезмерная номинативная краткость подобных знаков, порой, входит в диссонанс с местом их установки. В 2011 г. на здании Администрации Смоленской области была открыта мемориальная доска, посвященная И.Е. Клименко, первому секретарю Смоленского обкома КПСС в 1969–1987 гг. Приведем ее текст: «В этом здании с 1985 по 1987 гг. работал Почетный гражданин Смоленской области Иван Ефимович Клименко (1921–2006)». Наблюдателю с недостаточными фоновыми знаниями (например, туристу, не знакомому с именами руководителей области советского периода) будет сложно понять, почему здесь работал именно этот Почетный гражданин области. Это, в свою очередь, может привести к неверной интерпретации смысла памятного знака.

В единичных случаях была отмечена еще одна важнейшая характеристика героев исследуемой выборки – их участие в Великой Отечественной войне. Порой она соседствует с обобщенной репрезентацией образа деятеля («В этом доме с 1984 по 2010 гг. жил Гришин Сергей Иванович, один из видных руководителей Ивановской области, участник Великой Отечественной войны» – доска установлена в 2016 г. на фасаде дома № 41 по ул. Комсомольской г. Иваново), порой, как в случае с Н.Л. Сухобоченковым, включена в состав более пространного текста. Указание на эту сторону жизни и деятельности героев очень четко вписывается в патриотический дискурс, выступает способом трансфера установки на служение Отечеству.

В группе мемориальных досок, установленных в честь политических деятелей советской эпохи, выделяются памятные доски в Оренбурге и Челябинске, посвященные В.П. Поляничко (1937–1993). В 1970–80-е гг. он занимал должности в комитетах КПСС Челябинской и Оренбургской областей, Азербайджана, ЦК партии. Его политическую деятельность, особенно в конце 1980-х гг., нельзя трактовать однозначно. В начале 1990-х гг. В.П. Поляничко, будучи заместителем Председателя Правительства РФ, возглавлял Временную администрацию ряда районов Северной Осетии и Ингушетии и погиб в 1993 г. в результате террористического акта. Это трагическое обстоятельство и обусловило появление в Оренбурге

в 2013 г. пафосно-монументальной мемориальной доски с лаконичным, но несколько «выбивающимся» из привычного коммеморативного дискурса текстом: «Виктору Поляничко – достойному сыну России». Ранее, спустя год после смерти В.П. Поляничко, такая же формулировка, но на значительно более скромной доске, появилась в Челябинске на фасаде Дворца творчества юных.

Мемориальную доску, установленную в Краснодаре в 2014 г. на фасаде дома № 137 по ул. Янковского и посвященную памяти Н.И. Кондратенко (1940–2013), можно рассматривать как своеобразный символ преемственности поздней советской эпохи и начала новой России. Двухуровневая плита из красного гранита, барельеф, колосья пшеницы, перевитые лентой (широко распространенный коммеморативный символ советского времени) дополняются соответствующим содержанием: «В этом доме жил „Батяка Кондрат“, выдающийся государственный и политический деятель, губернатор Краснодарского края, Герой Труда Кубани, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы IV созыва». Слова «выдающийся государственный и политический деятель» отражают не столько статус Н.И. Кондратенко в России 1990–2010-х гг. (на это указывает прямое перечисление его должностей), а его положение и должности в партийной и советской системе 1970–1980-х гг. Примечательным в тексте является упоминание о народном «прозвании» Н.И. Кондратенко – «Батяка Кондрат». Этот образец прецедентного феномена придает тексту данного памятного знака особую выразительность, экспрессивность, в принципе крайне редкие для анализируемой группы мемориальных досок.

Отдельную модель интерпретации (назовем ее «углубленной») представляют собой памятные знаки, в которых стандартная, более или менее обобщенная характеристика героя дополнена перечислением его конкретных дел и заслуг перед обществом. Вероятно, такая модель наиболее удачна (хотя пока и не очень распространена – около 12 % выборки) с точки зрения реализации коммуникативной и историко-мемориальной функций мемориальных досок, т.к. дает полное представление о вкладе того или иного деятеля в развитие региона и всей страны, облегчает для наблюдателя задачу использования фоновых и инферентных знаний. Приведем в качестве примера соответствующий фрагмент текста

мемориальной доски, посвященной Ю.Н. Пономареву (1932–1986), первому секретарю горкома КПСС г. Волжский Волгоградской области в 1972–1985 гг., и установленной в Волжском в 2012 г. по адресу ул. Советская, д. 24: «Под его руководством активно развивалась промышленность, строилось жилье, объекты здравоохранения, образования, культуры и отдыха, проводилось озеленение города». Добрую память об этом незаурядном руководителе и хозяйственнике горожане хранят до сих пор, доказательством чему и стала описываемая мемориальная доска. В речах выступавших на ее открытии приводились такие данные: «...за 13 лет его руководства Волжский вырос едва ли не вдвое... Объемы жилищного строительства тогда достигали рекордной цифры – до 200 тысяч квадратных метров в год. Именно в этот период началось и активно продолжалось возведение цехов Волжского трубного завода, были удвоены производственные мощности предприятий химкомплеса, построены ТЭЦ-2 и вторая очередь ТЭЦ-1, пивзавод, хлебо- и молококомбинаты. Как не вспомнить о том, что в те самые годы волжане обрели прекрасный Дворец культуры... внушительное количество новых детских садов, школ, больниц и поликлиник, магазинов появилось в Волжском всего за какой-то десяток с лишним лет» [Некрасов 2012].

Значимость деяний героя мемориальной доски можно интерпретировать и с использованием невербальных средств – художественных символов, барельефных изображений, формирующих вместе с текстом своеобразный коммеморативный ансамбль. Процесс «дешифровки» такого мемориального знака очень интересен. В 2015 г. по инициативе правительства Москвы на фасаде дома № 19 по Староконюшенному переулку была установлена весьма примечательная памятная доска из бронзы в честь Н.С. Хрущева с надписью: «Видный государственный и политический деятель Никита Сергеевич Хрущев жил в этом доме с 1965 по 1971 г.». Эти даты обозначают последний период жизни бывшего руководителя Советского государства. На барельефе изображен сидящий Н.С. Хрущев на фоне символического пейзажа, в котором можно рассмотреть и Московский Кремль как символ XX партийного съезда, и ледоход на реке – образ «оттепели», и очертания новых городских кварталов – знаменитых «однофамилиц» героя. Рядом – портрет Ю.А. Гагарина. Таким образом, на поле мемориальной

доски «сошлись» все важнейшие символы эпохи, вызывающие у наблюдателя соответствующие фоновые знания. Таким образом памятный знак «заговорил» в контексте полимодальности.

Заключение

На основе анализа конкретного эмпирического материала (выборки мемориальных досок, установленных в российских городах в честь политических деятелей советского времени) авторами были выявлены три основные модели интерпретации в коммеморативном дискурсе: обобщенно-стандартная, отражающая тенденцию к генерализации; стандартная с использованием конкретной лексики советского времени; «углубленная», с указанием вербальными и/или невербальными способами на конкретный вклад деятеля в развитие города, региона, страны. Авторы пришли к выводу о том, что активизация процесса установки мемориальных досок в честь политических и государственных деятелей советской эпохи в начале XXI в. свидетельствует о переходе российских властей к политике памяти, направленной на развитие патриотического дискурса с идеалом служения Отечеству, включения элементов советского политического дискурса в общее культурно-историческое наследие страны.

Результаты исследования могут быть использованы в практике принятия решений об установке мемориальных досок исследуемой группы, разработке их текста и художественного оформления.

Список литературы

- Беседина Е.А., Буркова Т.В.* Мемориальная доска как малоформатный текст // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXII. С. 317-319.
- Демьянков В.З.* Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 36-45.
- Калинин И.А.* Ностальгическая модернизация: советское прошлое как исторический горизонт // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2010. № 6 (74). С. 6-16.
- Малинова О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: Возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4 (87). С. 6-22.
- Негров Е.О.* Историческое развитие политического дискурса в России // ПОЛИТЭК. 2008. Т. 4. № 3. С. 106-114.

Некрасов А. Увековечена память о первом секретаре // Волжская правда. 2012. 24 июля.

Непомнящих Е.А. Синтаксические конструкции малоформатных текстов в современном русском языке: лингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.

Пахалюк К.А. Дискурсивные основания юбилейной коммеморации Первой Мировой войны в современной России // PolitBook. 2016. № 4. С. 109-128.

Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53-59.

MODELS OF INTERPRETATION IN COMMEMORATIVE DISCOURSE (on memorial plaque materials)

E.A. Besedina, T.V. Burkova

*Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
e.besedina@spbu.ru*

The subject matter of this article is memorial plaques study dedicated to the Soviet political and state figures in the second half of the 20th century as a part of commemorative discourse.

This work aims at identifying and describing various representation models demonstrating the role of different Soviet figures in historical memory displayed in memorial plaques as forms of commemoration.

The work has been carried out on the basis of textual and non-verbal content analysis of a study sample of plaques (100 units) dedicated to the USSR state and political figures from the 1950s to the 1980s that had been set up since the late 1990s in various regions of modern Russia. The main research method was comparative analysis. The article is written from the standpoint of interdisciplinary approach while taking into account both special aspects of historical knowledge and main provisions of small-format text theory and political linguistics ideas.

As a result of the study, three main models of interpretation were identified: generalized-standard model reflecting a tendency toward generalization; standard model with the use of the Soviet era specific vocabulary; "in-depth" model with verbal and/or non-verbal indication of a person's specific contribution to the development of the city, region, country. The authors concluded that the activation of memorial plaques installation honoring the Soviet political and state figures testifies to the Russian authorities' transition to the policy of remembrance aimed at developing patriotic discourse with the ideal of serving the fatherland as well as incorporating elements of Soviet political discourse into a common cultural and historical heritage of the country.

The research results can be used in the process of making decisions concerning the installation of studying group plaques and the development of their text and artistic decoration.

Key words: *memorial plaque, historical memory, commemorative discourse, political discourse, small-format text, political text.*

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanities and Social Sciences), project No. 16-01-00391.

For citation: Besedina, E. A., & Burkova, T. V. (2018). Models of interpretation in commemorative discourse (on memorial plaque materials). *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2, 38-44. (In Russ.).